

Конвенциональное и иконическое в фигурах и тропах как основа для двух направлений их исследования

Вводные замечания

Изучение **фигур** и даже **тропов** постоянно осложняется смешением двух подходов – филологического и собственно лингвистического. При филологическом подходе **фигура** интересна нам как лингвокультурологический феномен, с помощью которого мы реконструируем духовный мир той или иной эпохи, будь то классическая античность или, скажем, советский период русской культуры. В этом случае нет никакой надобности в «исправлении» нелогичных, с нашей точки зрения, классификаций, скажем, в исключении афоризма или харизматизма из числа **тропов** античной риторики на основании современного определения тропа. При лингвистическом же подходе **фигура** интересна нам с лингвопрагматической точки зрения, т.е. как некая модель, способная обслуживать интенции говорящего, выполнять в речи соответствующие функции. Разумеется, в этом случае мы получим другие классификации, даже другие списки **фигур**.

Исторически, однако, сложилось так, что теория **тропов** описывается главным образом лингвистически, а теория **фигур** – филологически, что, конечно, не имеет под собой никакого функционального обоснования.

Синкретизм подходов корреспондирует с двусмысленностью, заключающейся в самом определении **фигуры** как «отклонении от обычного выражения». Под «двусмысленностью» мы понимаем не неопределенность, а именно два реальных смысла, заключенных в этой формуле. Один смысл как раз и стимулирует филологический подход, а другой – лингвистический.

Что же это за смыслы?

«Отклонение от обычного выражения», во-первых, может касаться **конвенциональной** стороны знаков, т.е. рассматриваться вне проблемы **мотивированности знаков**. Тогда речь идет об отклонениях от принятых грамматических норм и, соответственно, о создании норм риторических. Это наиболее магистральный путь риторики, при котором фигуративная речь противопоставляется обычной нормативной речи. При этом соленизмы и **фигуры** образуют некую пару, о которой еще Квинтилиан высказывался в том смысле, что **фигура** отличается от ошибки тем, что опирается на

известный прецедент: «Но **фигуры** обычно поддерживаются авторитетом, древностью, обычаем, а иногда и другими особыми мотивами. Значит, отклонение от простой и прямой фразеологии – это украшение, если есть какая-либо достойная модель, на которую оно опирается»¹. Ср. также следующее высказывание М.Л. Гаспарова: «...грань между «ошибкой» (солецизм, варваризм) и «художественным приемом» (**фигура**, метаплазм) очень зыбка и может быть изменчива. Определяется она вкусом, т.е. интуитивным ощущением, какой оборот употребителен, а какой нет»².

Сегодня такой подход воспринимается как «игра с нормой», хорошо понятная современному лингвисту, знакомому с проблемой интенционального нарушения нормы. Ср., например, рассуждение Л.Н. Мурзина об «антинорме»: «Противопоставление «норма – антинорма» носит, разумеется, относительный характер. Важнее подчеркнуть, что они предполагают друг друга, и то, что называют отступлением от нормы, столь закономерно, что для языкового механизма является нормативным: это тоже норма, хотя и отрицающая норму в обычном смысле слова. Отсюда и термин антинорма»³.

Но исторически вернее и логически точнее было бы говорить не об игре с нормой, а об игре **аномалии** и аналогии, поскольку момент аналогии, опоры на прецедент, также важен при таком понимании **фигуры**, что, впрочем, тоже не чуждо современному лингвисту, знакомому с понятием прецедентный текст.

Правомерность такого подхода наиболее наглядным образом проявляется в отношении грамматических **фигур** (грамматических **тропов**) и плеонастических выражений. Скажем, риторический вопрос основан на «неправильном» использовании вопросительной формы, так как не предполагает ответа. В то же время прецедент риторического вопроса как особого приема настолько известен, что может даже служить иллюстрацией риторической **фигуры** вообще. Иллеизм, то есть дублирование местоимения именем, до сих пор рассматривается и как речевая ошибка, и как **фигура** речи. И в случае с риторическим вопросом, и в случае с иллеизмом, имеется нормативная нефигуриративная форма речи, когда утверждение дается без привлечения вопросительной формы, а местоимение не дублирует имени. Подчеркнем еще раз, что важна не только **аномалия**, но и аналогия – прецедент, что и делает списки **фигур** принципиально открытыми и

¹ Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator, London, 1909, p. 183

² Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т.1. О поэтах, М., 1997, с. 580

³ Мурзин Л. Н. Норма. Речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология. Деривация, функционирование. Сб. научн. Трудов – М.: АН СССР, Институт языкознания, Пермский ГУ, 1989, с. 9

культурно обусловленными. Отметим, что на периферии античной системы **фигур** находились явления, для которых трудно найти «нулевую», не **аномальную** форму, но которые также опирались на прецедент. Многие из этих явлений сегодня толкуются не как **фигуры**, а как жанры или речевые стратегии.

«Отклонение от обычного выражения», во-вторых, может основываться на **мотивированном** использовании знаков. Использование **мотивированного знака** (чаще всего **иконического**) так же маркировано, «необычно», как и отклонение от нормы, с которым оно может совпадать или не совпадать. Чтобы пояснить эту мысль, обратимся к феномену ономотопеи. Само по себе звукоподражательное слово, будь то междометие или слово знаменательное, не является отклонением от нормативного словоупотребления. Его необычность другого рода. Она состоит в том, что на фоне обычных чисто **конвенциональных** знаков встречается знак **мотивированный**.

Кстати, сама ономотопея в древних классификациях не ассоциировалась узко со звукоподражанием, о чем свидетельствует и этимология термина – «сотворение имени». Ср. иллюстрации у Трифона и у Квинтилиана. Для Трифона, например, ономотопея – **троп**, необычный «поворот» речи, имеющий отношение к верхнему ярусу классификации тропов. Если явление не имеет своего знака, можно либо прибегнуть к вынужденной метафоре – катахресе, либо придумать собственное слово – ономотопею. Но окказиональное слово (в наших терминах) должно максимально соответствовать объекту. Откуда и высокий удельный вес звукоподражаний среди ономотопей⁴. В отличие от современной трактовки, когда ономотопея целиком определяется **иконизмом**, исконно ономотопея понималась как **аномалия**.

На примере хорошо известного процесса лексикализации **тропов** мы видим, как по мере исчезновения **конвенциональной** необычности проявляется их **иконическая** необычность, что может быть описано как сохранение изобразительности при потере выразительности. **Иконизм** языковой метафоры сохраняется и остается единственным ее признаком на фоне утраты **аномальности**.

Далее, к «необычным» знакам можно отнести и всевозможные симметричные построения (например, исколон). Отчасти наличие таких построений **конвенционально**, так как опирается на прецедент. В данном дискурсе может быть допустим данный уровень симметрии. Однако в основе своей оно универсально и также, вопреки традиции, может быть интерпретировано как **мотивированность** – отклонение от чистой **условности**.

⁴ Τριφωναζ περι τροπων // Spengel L. Rhetores Graeci ex recognitione, Lipsiae, 1856, vol. III.

Так, членение речи на равные отрезки воспринимается слушателем даже при незнании языка. За вычетом традиции, делающей такое членение желательным или нежелательным, перед нами **мотивированный знак**, но не в смысле **иконического** соответствия означающего означаемому, а в смысле взаимной **мотивировки** означающих при выборе знаков.

Яркий пример таких знаков – так называемые горгианские **фигуры** – исоколон и омойотелевтон. Обе они не предполагают отклонения от какой бы то ни было нормы. Если для лексического повтора «нулевая» форма отыскивается без труда, то для так называемого синтаксического параллелизма, повтора синтаксических позиций, или исоколона, повтора длины отрезков, поиск «нулевой» формы – задача бессмысленная. Более того, третья горгианская **фигура** – антитеза, по сути, имеет ту же природу: в отличие от оксюморона, она не содержит отклонения от нормы. Попытка свести ее к плеоназму и, соответственно, найти «нулевую» форму удастся не во всех случаях. Главная «необычность» антитезы – в симметрии. Второй антоним **мотивирован** первым, подобно тому, как в исоколоне выбор второго колона **мотивирован** первым.

Классическая риторика толковала «необычность» **фигуры** с точки зрения **конвенциональности**. Отсюда игра аналогии с **аномалией**, правильной формы – с метаплазмом. Представление о **мотивированности** присутствовало лишь имплицитно и реализовывалось через установления всевозможных соответствий: в **тропе** – через перенос, устанавливающий, скажем, соответствие между одушевленным и неодушевленным, в **фигуре** через равенство, скажем, равенство колонов в периоде.

Сегодня есть резон рассматривать **фигуры** с точки зрения **конвенциональности** в рамках филологического подхода, а с точки зрения **мотивированности** – в рамках лингвистического. Причем оба подхода имеет смысл применять как к **тропам**, так и к **фигурам** в узком смысле слова. В настоящей статье демонстрируются возможности как филологического подхода к **тропам**, так и собственно лингвистического подхода к **фигурам**. Тем самым намечаются пути восполнения существующих лакун.

Основная часть

Для изучения **тропов**, как уже отмечалось, сегодня характерен исключительно лингвистический подход. Этот подход дает исчислимый список **тропов**, сводимый в пределе к оппозиции метафоры (**иконически мотивированного знака**) и метонимии, точнее синекдохи (знака **мотивированного** индексно).

Однако подход к **тропам** как к отклонениям от нормы, а отнюдь не как к **мотивированным знакам**, связанным с переносом значения, легко

обнаруживается в самой этимологии слова «троп»⁵. Именно этим подходом объясняется то обстоятельство, что список **тропов** в древних (античных и средневековых) классификациях был практически открытым, несмотря на наивные попытки свести число **тропов** к двадцати семи.

При таком подходе «тропос» противопоставлялся «кириологии», т.е. нормативной, «неуклоненной» речи (ср. современное словосочетание «фигуральное выражение» в значении «**троп**», обнаруживающее скрытое родство тропа и **фигуры**).

Прецедентные примеры играли в жизни **тропов** ту же роль, что и в жизни **фигур**: они кочевали из трактата в трактат и служили основанием для выделения нового **тропа** даже в том случае, когда логически (с точки зрения типа **мотивации**) новый **троп** был видом старого. Например, прозопопея, т.е. олицетворение, фигурировала в списке **тропов** *наряду* с метафорой, хотя логически она должна бы рассматриваться как вид метафоры. Подобные примеры в древних классификациях не единичны. Отметим также, что ставшими школьными дифференциальные признаки **тропов** («сходство» – «смежность» практически не фигурируют в древних трактатах. При этом сама номенклатура тропов в несколько раз превосходит современную.

Более того, и в наши дни можно обнаружить рефлексы старого («**аномального**») подхода к **тропу**. Так, новейшие («антиаристотелевские») определения метафоры подчеркивают в ней не столько момент сходства (**мотивированность**), сколько момент противоречия микро- и макроконтэкстов⁶. Заметим в скобках, что если аристотелево определение метафоры как свернутого сравнения и выявляло ее свойства как **мотивированного знака**, то в древних определениях синекдохи или метонимии тема **мотивировки** либо отсутствовала вовсе, как это было в греческих трактатах вплоть до достаточно позднего времени, либо присутствовала нерегулярно, как в латинских трактатах. Тем самым непоследовательность в применении двух обозначенных нами подходов существовала всегда.

Филологический подход к **тропам** в отношении античной риторики обнаруживает, что в ряде случаев под тропами понимались явления, которые мы сегодня отнесли бы к жанровым. Так, парабола (притча) рассматривалась в античной риторике как **троп**, а с появлением христианства риторика обогащается новым тропом – антаподозисом, то есть притчей, сопровождаемой комментариями, обычно пословными. Если

⁵ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2, с. 1641

⁶ Бирдсли М. Метафорическое сплетение // Теория метафоры. М., 1990.

притчу современный ученый еще может назвать развернутой метафорой, то антаподозису он, разумеется, откажет в статусе **тропа** (недаром сам термин забыт).

Далее, античная традиция относила к **тропу** такие явления, как инигма (загадка) или паремия (пословица). Современный исследователь может подумать, что это связано с тем, что знакомые нам **тропы** – метафора и метонимия – активно используются в инигме и паремии и что древние авторы просто смешивали **троп** и сложное построение, использующее **троп**. Но это не так. Показывая механизм инигмы, Трифон упоминает и метафоры, и метонимии, на которых она основывается, и еще Аристотель говорил о родстве инигмы с метафорой⁷. Кроме того, инигма и паремия не единственные **тропы**-жанры, фигурирующие в списках. Так, наряду с параболой, парадигмой (ср. средневековый *exemplum*, рассматриваемый А. Я. Гуревичем как жанр⁸) и антаподозисом к **тропам** относится, например, харизматизм, то есть веселая, насмешливая речь. Последнее явление сегодня бы мы охарактеризовали скорее как речевую манеру или стратегию.

Между **тропом**-жанром (**тропом**-стратегией) и **тропом**-переносом находятся различные виды иронических речей (ирония, сарказм, хлывазм, миктеризм, антифразис, астеизм), сегодня описывающиеся общим термином «ирония» или «антифразис». Характерно, что сарказм отошел к терминологии литературоведения, астеизм занимает весьма периферийное место в сегодняшней стилистике, а хлывазм и миктеризм прочно забыты.

В системе «аналогия – **аномалия**» **тропам** противостоит «кириология» (ср. современное «автология»). Однако кириология предстает не как грамматически нейтральная, а как типологически нейтральная речь, т.е. жанрово немаркированная речь, «нулевой» жанр. Впрочем, слабый момент **аномалии** присутствует и здесь. Так, миктеризмом называют самоироничную речь, как бы сопровождаемую «хмыканьем» (откуда и этимология термина: славянский вариант – «похухание»). Очевидно, что такая речь **аномальна**, как и сарказм, – речь, произнесенная как бы с оскаливанием зубов, или литотес, когда говорящий напускает на себя вид простака и вместо «много», к примеру, произносит «не мало» (ср. современную судьбу термина «литота», обозначающего «художественное преуменьшение» и вытеснившего термин «мейозис» – «обратная гипербола»). Да и сама гипербола, хотя и уверенно относимая сегодня к **тропам**, явно тяготеет к речевой манере или даже жанру, при этом очевидно, что гиперболическая речь **аномальна**.

⁷ Аристотель Риторика // Античные риторика. М., 1978, с. 131

⁸ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exemplum XIII века). М., 1989.

Релевантность филологического подхода к **тропам** хорошо видна на примере аллегории. Античная и средневековая аллегория имеют разный объем значения, вступают в разные оппозиции с другими **тропами** и имеют различный культурный вес.

Судьба аллегии лежит, что называется, на поверхности. Но не менее динамична и судьба **тропов** смежности. Если интерес к аллегории был стимулирован христианством, то интерес к **тропам** смежности возникает в связи с повышением статуса эмпирических знаний, в том числе и в поэтике реализма. Постепенно изменяются дефиниции этих **тропов**. Исчезает «праздный» с точки зрения реалистической поэтики и культа эмпирики металепис. Апофеозом торжества смежности становится провозглашение синекдохи первотропом и то, что П. Шофер и Д. Райс назвали «дворцовой революцией» в мире **тропов**⁹. С другой стороны «реставрация» метафоры связана с ее ролью в языковой картине мира («Метафоры, которыми живем»¹⁰).

Обратимся теперь к феномену **фигуры**.

В отличие от **тропов** **фигуры** изучались и изучаются главным образом с филологической точки зрения. Вследствие этого авторитетного закрытого списка **фигур**, единого «для всех времен и народов», попросту не существует. Мы по-прежнему рассматриваем **фигуру** как некую **аномалию**, и это зафиксировано в современных определениях **фигур**, немногим отличающихся от античных. Так, Е.В. Маркасова, исследователь, выдерживающий последовательно филологический подход, пишет: «**Фигура** изначально определялась через три аксиомы (**фигура** соотносима с нормой, **фигура** есть отклонение от нормы, **фигура** необходима для «услаждения» слушателя)»¹¹. Однако и в словарном определении **фигуры**, ориентированном скорее на лингвистический подход, **фигура** квалифицируется как «особое сочетание слов», главным свойством которого является выразительность¹². Ср. также определения *фигуры*, приводимые в сборнике «Античные теории языка и стиля»¹³. Мы по-прежнему ищем «нулевые» формы для **фигур** и испытываем затруднение, когда не можем их найти, как, например, в случае с гиперзевгмой и зевгмой, из которых обе являются **фигурами**. Наконец, мы хорошо осознаем роль прецедента в задании **фигуры**.

⁹ Schofer P., Rice D. Metaphor, Metonymy, and Synecdoche Revisited // Semiotica. 1977, v.21. The Hague, Mouton.

¹⁰ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры, М., 1990.

¹¹ Маркасова Е. В. Представления о фигуре речи в русских риториках XVII – начала XVIII века. Петрозаводск, 2002, с. 52.

¹² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 492

¹³ Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг, М.-Л., 1936, с. 261.

С другой стороны, **фигура** может рассматриваться и как **мотивированный знак**, что в перспективе дает чисто лингвистический подход и описание **фигур** с опорой на закрытый список.

Попытки закрыть список **фигур**, абстрагируясь от исторически сложившихся определений, были предприняты во второй половине двадцатого века. Зачастую эти попытки основывались на внешних признаках, что даже декларировалось в одной из англоязычных работ¹⁴. Часто классификация **фигур** инициировалась задачей разграничения **фигур** и **тропов** и отражала следы этого разграничения. Таково, например, представление о **тропах**, как о парадигматических, а о **фигурах** – как о синтагматических средствах, развиваемое в рамках стилистики Ю.М. Скребневым¹⁵. В то же время наиболее масштабная попытка классифицировать **фигуры** при сохранении «аномального» подхода к ним характерна для ученых льежской группы. Однако пафос их «Общей риторики» диаметрально противоположен нашему: авторы группы *т* суммируют интуитивное понятие «отклонение», подходя к нему через отклонение от вероятностных ожиданий адресата, мы же попытаемся, напротив, различать разные грани понятия «отклонение».

Особо следует сказать о классификации Ц. Тодорова, построенной на семиотических выделенных отношениях и наиболее близкой к представлениям о **фигуре** как о **мотивированном знаке**, хотя само это представление не акцентируется¹⁶. И все же думается, что можно согласиться с критическим замечанием А.К. Авеличева, высказанным по поводу этой классификации, о слабости критериев, лежащих в основе отнесения **тропов** и **фигур** к той или иной группе **аномалий**¹⁷.

Из последних сильных работ можно отметить работу И.В. Пекарской, которая рассматривает **фигуру** как проявление контаминации (предварительно оговорив собственное понимание последней)¹⁸. Явление контаминации привлекательно по двум причинам, к сожалению, противоречащим одна другой: с одной стороны, контаминация связана, хотя и нерегулярным образом с **мотивацией**, с другой – это очень распространенное именно сегодня явление. В результате описать все

¹⁴ Bonheim H. Bringing classical Rhetoric up-to-date //Semiotica, Mouton-Hague,1975, N 34.

¹⁵ Скребнев Ю. М. Тропы и фигуры как объект классификации // Проблемы экспрессивной стилистики. Межвузовский сборник, Ростов-на-Дону, 1987.

¹⁶ Todorov Ts. Tropes et figures // To honor R. Jakobson. Vol. III. The Hague, 1967.

¹⁷ Авеличев А. К. Возвращение риторики // Дюбуа Ж., Мэне Ф., Эделин Ф. и др. Общая риторика. М, 1986, с. 31.

¹⁸ Пекарская И. П. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. 1,2. Абакан, 2000.

фигуры в терминах контаминации все равно не удастся (автор и не ставит такой цели, хотя и «переписывает» в этих терминах **тропы**), но и дать специфическую для нашего времени классификацию **фигур-аномалий** тоже не удастся (такая цель автором и не ставится).

Последовательная попытка описать **фигуру** как **иконический** знак предпринята в отечественной лингвистике Т.Г. Хазагеровым и его учениками, включая автора настоящей статьи¹⁹. Эти идеи вызревали в рамках так называемой экспрессивной стилистики, где **фигуры** и **тропы** понимались как элементы экспрессивного субкода – специальные средства усиления образительности и выразительности речи. Это позволило приписать каждой **фигуре** свои образительные функции и описать **фигуры** закрытым списком. Фигура в этой интерпретации предстает как **иконический** знак-диаграмма, передающий эмоциональный настрой говорящего (стабильность или нестабильность эмоционального фона продуцента речи и т.п.). Подобно тому, как рисунок, произведенный датчиком, изображает деятельность сердца, расположение и протяженность единиц плана выражения (синтаксический рисунок) передают движение чувств, сопровождающих речь.

Понятие об экспрессивном субкоде предполагает его противопоставление субкодам социальным (**конвенциональным**). Это означает, что экспрессивный субкод не опирается на предварительные специальные знания, подобные знанию жаргона какой-либо социальной страты или символики, принятой в данной культуре. **Иконизм** универсален, и поэтому в пределе экспрессивный субкод понятен даже в условиях незнания самого кода, то есть даже при незнании языка мы можем уловить некоторую информацию о чувствах говорящего исходя из повторов, запинок и т.п. Во всяком случае, экспрессивный субкод всегда полезен при устранении коммуникативных неудач, возникающих из-за разницы в кодовой компетенции говорящего и слушающего. К нему прибегают, желая объяснить нечто человеку, недостаточно владеющему языком, например, ребенку. Экспрессия в таком понимании связана не только с выражением чувств, но и с образительностью²⁰.

Однако описание **фигур** через **иконизм** не охватывает всего поля **неконвенциональной мотивированности**: остаются знаки-индексы и обширные проявления симметрии. К последней стороне **фигур** в отечественной лингвистике проявляет интерес Э.М. Береговская.

¹⁹ Хазагеров Т. Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Ростов-на-Дону, 1999.

²⁰ Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке// Сб. статей по языкознанию. М., 1958.

Характерно, что именно в ее «Занятной риторике», написанной в соавторстве с Жаном-Мари Верже, приводятся графические **фигуры**, в том числе и такие редко упоминаемые, как каллиграмма²¹.

По-видимому, работа в этом направлении может и должна быть фундирована с позиций нейролингвистики, так как универсальность симметричных **фигур** должна быть связана с универсальными психологическими механизмами (аналог экспрессивного субкода). Вне же этой универсальности сама симметрия может быть рассмотрена как проявление **конвенции**. Ср. границы допустимости ритмизации речи в прозе.

Выводы

Филологический подход к **тропам** не отменяется их ясным лингвистическим описанием, полученным в результате осознания механизма семантического переноса. Такой подход, предполагающий расширение списка «**тропов**» за счет тех явлений, которые некогда квалифицировались как **троп**, имеет право на существование, получая оправдание как с историко-филологических позиций, так и с позиций лингводидактических, ибо выделенные древними авторами «**тропы**» представляют интереснейший материал в плане развития языка и мышления.

Во избежание путаницы разумно было выделить группу квазитропов, под каковыми понимать явления некогда относимые к **тропам**, но не подходящими под современное строгое определение **тропа**, связанное с категорией семантического переноса.

Было бы неразумно рассматривать квазитропы как случайные явления, «ошибки» древних авторов. Рассмотренный материал выявляет общие свойства **тропов** и квазитропов и позволяет рассматривать все «тропологические» явления как систему. Каждая такая система несет на себе печать своей эпохи, так как выражает **конвенциональный** компонент в мире **тропов**.

Единая классификация **фигур** как **неконвенциональных** знаков все еще не построена, и это тормозит их описание в лингвопрагматическом плане. Более того, только универсальное описание **фигур** может дать тот метаязык, с помощью которого можно будет говорить о фигурах и в филологическом аспекте. Перспективным для построения собственно лингвистической классификации **фигур** представляется подход к ним как **мотивированным**

²¹ Береговская Э. М., Верже Ж.-М. Занятная риторика, М., 2000.

знакам, а именно, **иконизмам**. Такой подход объединит лингвистическую описание классификацию **фигур** и **тропов** в единую систему **мотивированных знаков**. На пути решения этой задачи определенную сложность представляют накладываемые на понятие **мотивированности** признаки симметрии, факультативно присущие фигуративной речи. Очевидно, симметрия должна быть описана в терминах **мотивированности**, что является самостоятельной теоретической проблемой.

Лингвистическая классификация **фигур** не исключает и филологического подхода, при котором выявляются **конвенциональные** элементы в **фигуре**.

Лингвистическая классификация фигур и **тропов**, построенная на признаках **мотивированности** знака, должна быть рассмотрена как ядро явления «**тропы** и **фигуры**». Периферия этого явления может быть описана в соответствии с культурными **конвенциями** (квазитропы и квазифигуры), характерными для определенных исторических периодов. Общим в явлении **тропов** и **фигур** остается признак маркированной, «необычной» речи, в которой эта маркированность может быть связана как с использованием **мотивированного знака**, так и с некой **условностью**, **конвенциональностью**.

ЛИТЕРАТУРА

- Авеличев, А. К. 1986. *Возвращение риторики* // Дюбуа Ж., Мэне Ф., Эделин Ф. и др. *Общая риторика*. – Москва.
- Античные теории языка и стиля*. 1936. // Под ред. О. М. Фрейденберг, Москва – Ленинград.
- Аристотель, 1978. *Риторика* // *Античные риторики*. – Москва.
- Ахманова, О. С. 1966. *Словарь лингвистических терминов*. – Москва.
- Береговская, Э. М., Верже, Ж.-М. 2000. *Занятая риторика*. – Москва.
- Бирдсли, М. 1990. *Метафорическое сплетение* // *Теория метафоры*. – Москва.
- Галкина-Федорук, Е.М. 1958. *Об экспрессивности и эмоциональности в языке* // Сб. статей по языкознанию. – Москва.
- Гаспаров, М. Л. 1997. *Избранные труды*. Т.1. О поэтах. – Москва.
- Гуревич, А. Я. 1989. *Культура и общество средневековой Европы глазами современников* (Ехемпра XIII века). – Москва.
- Дворецкий, И. Х. 1958. *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 2. – Москва.
- Лакофф, Д., Джонсон, М. 1990. *Метафоры, которыми мы живем* // *Теория метафоры* – Москва.
- Маркасова, Е. В. 2002. *Представления о фигуре речи в русских риториках XVII – начала XVIII века*. – Петрозаводск.
- Мурзин, Л. Н. 1989. *Норма. Речевой прием и ошибка с динамической точки зрения* // *Речевые приемы и ошибки. Типология. Деривация, функционирование*. – Сб. научн. Трудов – Москва: АН СССР, Институт языкознания, Пермский ГУ.
- Пекарская, И. П. 2000. *Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка*. Ч. 1, 2. – Абакан.

- Скрбнев, Ю. М. 1987. Тропы и фигуры как объект классификации // *Проблемы экспрессивной стилистики*. Межвузовский сборник. – Ростов-на-Дону.
- Хазагеров, Т. Г., Ширина, Л.С. 1999. *Общая риторика*. – Ростов-на-Дону.
- Bonheim, H. 1975. Bringing classical Rhetoric up-to-date // *Semiotica*, № 34. – Mouton-Hague.
- Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator*. 1909. – London.
- Schofer, P., Rice, D. 1977. Metaphor, Metonymy, and Synecdoche Revis(it)ed // *Semiotica*. v.21. – The Hague, Mouton.
- Todorov, Ts. 1967. *Tropes et figures* // To honor R. Jakobson. Vol. III. – The Hague.
- Τρυφνοζ περι τροπων. 1856 // Spengel L. *Rhetores Graeci ex recognitione*, Lipsiae, vol. III.

Conventional and Iconic Features of Rhetorical Figures and Tropes as the Basis for Two Trends in Research

The article deals with the theory of tropes and rhetorical figures. The modern approach to these phenomena has some asymmetry, although the approach is a united system. In the basis of universally recognized and clear classification of tropes there is the notion of tropes as motivated signs. This obscures the conventional side of tropes, though this side is necessary for studying them from the philological and lingua-cultural point of view. At the same time the absence of universally recognized classification of rhetorical figures stimulates their description from philological point of view considering these or those historical priorities. In the article an attempt to elaborate the common approach to tropes and figures is made. There are also described some ways how to fill existing research lacunas.

Key words: *tropes, rhetorical figures, motivated sign, iconicity, conventionalism, anomaly.*